

Мимоходомъ.

IV.

Одинъ изъ героевъ.

Въ Варшавѣ въ настоящее время состоитъ штабъ-ротмистръ Г. Мбоякъ назвадь его имя не сходило со столбцовъ газетъ. Это пость его руководствомъ нами блиндированные автомобили 2-го полбра одержали надъ нѣмцами замѣчательную побѣду подъ Пабяшицами, близъ Лодзи. Командный составъ трехъ автомобилей (двухъ блиндированныхъ и одного автомобиля-пушки) с.стоялъ изъ 10-ти человекъ.

И эти силы опрокинули ни болѣе, ни менѣе какъ четыре германскихъ полка, т. е. въ общей сложности, какъ бы порывъ темеръ у нѣмцевъ составъ армейскихъ частей, 6—7 тысячъ человекъ, а можетъ-быть и болѣе.

Мнѣ удалось недавно бесѣдовать со штабъ-ротмистромъ Г. Это—еще молодой человекъ; у него острые, живые глаза, маленькіе, черные, приподнятые вверхъ усики, выраженіе лица скорѣе добродушное, склонное къ улыбка. Глядя на него, сразу чувствуешь, что это—интересный собесѣдникъ, вѣроятно, прекрасный товарищъ, но трудно угадать, что это—человѣкъ исключительнаго мужества и поразительнаго хладнокровія.

Между тѣмъ Г. принадлежитъ къ числу тѣхъ «фантастическихъ» людей, о которыхъ мнѣ уже случалось писать, воплощавшихъ въ наши дни въ жизни вымышленные типы Майн-Рида, Жюль Верна, Гайдаръ Гагарда. Мало того: Г.—даже болѣе характерный ихъ представитель, потому что особенно, но доброй охотѣ шпегъ опасныя предпріятія, любить ихъ, увлекается ими.

Видѣняя сторона, подвываетъ (паче нисья сказать) штабъ-ротмистра Г. была описана много разъ (между прочимъ и въ телеграммѣ «Петроградскаго Агент-

ства»). Поэтому меня интересовали настолько подробности событій, пережитыхъ Г., сколько его психологія. Мнѣ хотѣлось выслушать въ разговорѣ, что испытываютъ люди, подобные ему, въ тѣ минуты и даже часы, когда они, понимая то, безавѣрно рискуютъ жизнью, когда все для нихъ зависитъ отъ быстроты сообразительности и отъ присутствія духа, а также и отъ сильнаго случая. Г. очень охотно и такъ сказать, добродушно отвѣчалъ на мои, можетъ-быть, неспрошенные вопросы, и самая простота отвѣтовъ была залогомъ ихъ искренности.

Г. сужилъ раньше капитаномъ подводнаго плавания. Изъ этому занію привлекла его тоже фантастичность самаго дѣла. Онъ съ увлеченіемъ рассказывалъ, какъ спускался въ скафандръ въ водную глубину, какъ гулялъ по морскому дну, какъ наблюдалъ тайны чуждой намъ стихіи. Г. жалѣлъ лишь объ одномъ: что физическое строеніе человѣка не позволяетъ ему спускаться въ море достаточно глубоко; приходится довольствоваться нѣсколькими саженями глубины, тогда какъ хотѣлось бы погрузить дно океана, подематреть жизнь невѣдомыхъ безднъ, кататься на подводномъ автомобилѣ (есть такіе) среди развалинъ древней исчезнувшей Атлантиды...

Когда началась настоящая война, Г. сразу понял, что она можетъ удовлетворить его любовь къ необыкновенному, что на ней можно будетъ увидѣть и испытать нечто такое, что потомъ станетъ уже комическимъ въ жизни. Но безъ затрудненій угадалъ Г. смѣнить тотъ мундиръ, который онъ тогда носилъ (преподавателя въ одномъ военномъ учебномъ заведеніи), на мундиръ штабъ-ротмистра дѣйствующей арміи. Надо было хлопотать, добиваться; но Г. предладалъ все, потому что «вѣрная война» влекла его къ себѣ неотлучно. Зная автомобильное дѣло, Г. метуилъ въ нашу автомобильную роту, а затѣмъ получилъ въ свое командованіе блиндированные автомобили.

Ожиданія Г. оправдались. Война дѣйствительно дала ему возможность пережить длинный рядъ необычайныхъ приключеній. Въ сущности все время войны было для него однимъ сплошнымъ необычайнымъ приключеніемъ, за исключеніемъ тѣхъ медлительныхъ дней, когда надо было лечиться отъ раны или забегаться въ какомъ-нибудь большомъ городѣ о снабженіи автомобилей нужными принадлежностями. Случаевъ извѣдать необыкновенное представлялось такъ много, что оставалось только выбирать наиболее соблазнительные. И Г. выбиралъ то то, то другой, «испытывая судьбу» и подставляя свою жизнь подъ все болѣе и болѣе роковыя опасности.

Когда носилъ одного изъ своихъ отчаянныхъ предпріятій Г. возвращался къ товарищамъ невредимымъ или легко раненымъ (какъ, напр., въ бою подъ Пабяшицами, гдѣ онъ былъ раненъ въ шею), тѣ говорили ему:

— Перестань играть съ огнемъ. Не можетъ это каждый разъ сходиться съ рукъ. Если ужъ сегодня остался живъ, значитъ, слѣдующій разъ не уцѣлѣешь.

«Но я,—говорилъ мнѣ Г.,—изомного фаталистъ. Я увѣренъ, что то, что должно случиться, случится, какъ отъ того ни укрывайся, особенно смерть. Девъ ей для каждого человѣка зарисовъ начертанъ. Если я пошелъ на войну, то съ тѣмъ, чтобы видѣть ее всю, провести ее до конца. Что интересно увидѣть и испытать въ среднемъ такомъ замѣчательнаго представляется».

Оправдывая свой фатализмъ, Г. привелъ нѣсколько случаевъ.

Въ бою подъ Пабяшицами, когда его помощники стрѣляли по его указаніямъ изъ пулеметовъ, самъ Г. наблюдалъ за движеніями нѣмцевъ сквозь олово, закрывавшее окошечко. Вражеская пуля ударила около самаго окошечка, такъ что осколками разбитаго стекла поранило лицо Г. Возникъ пѣмелъ прицѣлъ на мишень и въ сторону, эта пуля должна бы въ глаза Г., и онъ

былъ бы убитъ. Эта «случайность» прозвела на него сильное впечатаніе.

Въ концѣ того же боя наши автомобили оказались побитыми артилл. рѣйками отъ огня врага. Они уже не могли двигаться сами. Оставивъ нѣскольکو человекъ внутри автомобилей, чтобы продолжать отстрѣливаться, Г. съ десяткомъ помощниками выскочилъ наружу и покатилъ свою машину (автомобиль-пушку) къ нашимъ позиціямъ. Налетѣли шкочомъ, быстро упирались ногами, смѣльчаки съ бошнми тру о.ъ, «па оиъ», под итали впередъ страшно тяжелый автомобиль. Въ это время вѣяли, хоза и стегунали, засыпали ихъ градомъ пуль. На помощь къ автомобилемъ бросились солдаты ***аго батальона; но первый подбѣжавшій тотчасъ, вмахнувъ руками, упалъ, сраженный на-смерть; другой и третій упали также ранеными. А изъ десяти смѣльчаковъ, совершившихъ подъ пулями весь путь, только двое остались ранены и пригодны легко: все дошли до позицій, доказавъ автомобиль. Такой случай дѣйствительно можетъ сдѣлать фаталистомъ.

Во время одной изъ развѣдокъ на автомобиль Г. приблизился къ деревнѣ, о которой не было известно, занята ли она нѣмцами или нашими. Изъ окоповъ открыли по автомобилю ружейный огонь.

Г. нѣкоторое время по рѣшався отдалъ приказъ стрѣлать въ отвѣтъ изъ пулемета. Помощники Г., находившіеся внутри автомобиля, были подъ защитой брони, самъ же онъ, стоя и глядя въ бинокль остервености, представлялъ прекрасную мишень для прицѣла, такъ какъ верхъ машины былъ открытъ. Пока выполнялъ вышесказанное, что деревня занята нѣмцами, произошло нѣсколько инцидентовъ, въ теченіе которыхъ Г., по груди выступавшій изъ-за брони, служилъ единственной цѣлью стрѣльбы. Но ни одна изъ стрѣлъ, если не тысяча, пуль не коснулась его. Это уже болѣе подходило къ предпріятіямъ.

И не интересовался, какой случай изъ всей дѣятельности Г. на войнѣ прозвучалъ на него болѣе сильное впечатаніе. Въ отвѣтъ онъ рассказываетъ еще одно свое «маленькое» приключеніе.

При вторичномъ наступленіи нѣмцевъ на Ломачъ необходимо было вырваться, какъ далеко они успѣли продвинулись. На развѣдку отправился Г. на простомъ (неблиндированномъ) автомобилѣ. Онъ миновалъ лѣсныя предгорья и поляны, на которыхъ глечего не было известно о мѣстонахожденіи нѣмцевъ, потомъ миновалъ и деревню, указанную какъ послѣдній этапъ развѣдки, но и тамъ еще не было признака нѣмцевъ. Г. рѣшилъ хватъ нацѣль и незамѣтно, лети со скоростью верста 70 въ часъ, оказался въ другой большой деревнѣ. Солдаты, исполнявшій обязанности шофера, вдругъ оставили моторъ и шептались: «Вотъ блаторо.і, здѣсь вѣдцы». Дѣйствительно поблизости стояли два германскихъ кавалериста; подалые надѣлаась дѣлая ихъ группа. По счастью, на нижнихъ чинахъ, бывшихъ съ Г. (крокъ шофера, въ автомобилѣ сидѣло еще двое солдатъ съ винтовками), надѣты были автомобильные плащи, изъдали похожие на прусскія кашки. Но на самомъ Г. была выхвача. Нѣмцы кавалеристы изумленно смотрѣли на неожиданно вѣзвшій въ деревню автомобиль и, кажется, склонны были думать, что это ихъ товарищи привезли накого-то пѣмцаго въ налахъ. Сразу сообразивъ положеніе, Г. приказалъ шоферу повернуть автомобиль, однако не торопливо, безъ всякой тревоги, что и было исполнено. Нѣмцы продолжали недоумѣвать, но потомъ два всадника тронули лошадей, направившись къ автомобилю. Было уже поздно. Г. приказалъ стрѣлять, дѣлая въ лошадей, такъ какъ у него маленькая мысль не только улетѣла, но и захватили влѣзшихъ. Последнее было однако уже «черезчуръ»; вѣдцы отъ выстрѣловъ умерли, но и автомобилю пришлось

возможно уходить отъ скакавшихъ на него кавалеристовъ. Разуверся, лошади не могли донести мотора, и Г. опять невѣримо вернулся изъ развѣдки.

Этотъ эпизодъ Г. рассказывалъ съ неслыханнымъ увлеченіемъ. Его прямо восхищала мысль, что на автомобилѣ можно неожиданно вернуться въ самое расположеніе нѣмцевъ. «Послѣ того я нѣсколько разъ пытался сдѣлать то же,—говоритъ Г.—Нока все какъ-то не удавалось, но я не теряю надежды».

Замѣчательно, что, вспоминая это свое приключеніе, какъ и предидущія, Г. оставался въ тѣмъ же самобладаніи, которое одно позволяло ему справиться съ опаснаго положенія. Притомъ, онъ подчеркивалъ странность, причудливостъ самого стеченія обстоятельствъ. Это, можетъ-быть, дѣлаетъ ключъ къ психологіи и людей, подобныхъ ему. Постоянное присутствіе духа, хладнокровіе составляютъ самую сущность ихъ. Это составляетъ въ нихъ потребность найти примѣненіе ему; ихъ привлекаетъ опасность, какъ возможность проявить то, въ чемъ ихъ сила. Обычная, повседневная жизнь не даетъ простора, гдѣ могла бы въ полной мѣрѣ обнаружиться ихъ способность соображать сразу, спонтанно разсуждать при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, мгновенно, безъ колебаній и безмозгловно, принимать важныя рѣшенія. И вотъ, чтобы удовлетворить благородную потребность своего духа, эти люди идутъ на службу въ полковыя конки, въ артилерию, въ развѣдчики, влечутся на войну, позволяющую имъ быть влѣзши самими собой.

Въ параллель можно поставить людей, обладающихъ отъ природы умомъ, склонностью къ дѣлканіямъ. Такие люди жадно рвется въ споръ, добиваются его, ищутъ искусныхъ спорщиковъ, чтобы побориться съ ними силами. Напомнимъ примѣръ А. С. Хомякова, который по всей Москвѣ разыскивалъ увлеченныхъ спорщиковъ, вѣдшихъ къ неизвѣстнымъ аргу-

ментамъ, о которыхъ слышалъ, что они «хорошо спорять». Итъ надобности говорить, что такое объявленіе отнюдь не умаляетъ огромныхъ заслугъ людей, подобныхъ штабъ-ротмистру Г., и нашего восхищенія ихъ героическими подвигами. Такъ и любовь къ спорамъ А. С. Хомякова нисколько не умаляетъ нашего уваженія къ нему какъ къ мыслителю.

Желаю проверить свое пониманіе характера Г., я въ концѣ бесѣды спросилъ его, неужели при всемъ своемъ фатализмѣ онъ не чувствуетъ нѣкотораго волненія, находясь подъ огнемъ.

— Къ огню легко привыкаешь,—отвѣтилъ онъ.—Къ тому же артиллерійскій огонь не особенно опасенъ. Следили крупнаго калибра производятъ сильное впечатаніе лишь на простыхъ людяхъ, на солдатахъ, но болѣе связямъ шумомъ и грохотомъ. Человѣкъ интеллектуальный скоро замѣчаетъ, что снаряды летятъ сравнительно медленно.

«Да,—подумалъ я,—это очень просто для такихъ людей, какъ Г., но не всякій способенъ воспользоваться его советомъ».

Въ самомъ дѣлѣ, какое нужно присутствіе духа, чтобы по звуку летящей снарядомъ или гранаты угадывать, гдѣ она упадетъ, и соответственно тому во время влѣзть мѣсто! Намъ, чтобы замѣчать, гдѣ падаютъ нестрѣляемые снаряды, во время передвиженія свой автомобиль то на 100 шаговъ впередъ, то на 300 назадъ! Только Г. и подобные ему искуснымъ выполнять такіе маневры подъ дождемъ пуль, среди грохота и огня боя. Да будутъ же эти строгіи данью моего восхищенія передъ спокойнымъ мужествомъ Г., уже оказавшимъ нашей арміи рядъ неоцѣнимыхъ услугъ!

Валерій Брюсовъ.

Варшава, 22-го декабря.